

Когда началась война мне было 10 лет, жила я с родителями на Тетрорадской, ул. Тоболрохотская. Война пришла в город, начались воздушные тревоги.

Город стали бомбить, приходилось спускаться в бомбоубежище, но нам там, так как рядом находился завод № 5. И хотя наш дом был деревянный, 2-й этажик позднее не всегда спускались, мама был инвалид финской войны. Началась эвакуация детей и инвалидов, но мама не отпустила меня, хотя ее вызывали в приют.

Когда было тепло собирала траву, недалеко был парк (пансионат для актеров), я пробиралась через доску забора. Рвала траву - лебеду, крапиву и вообще все что зеленело. Позднее стали сторожить, доски забора не стали пускать. За водой на м. Левку в основном ходила я. За водой была очередь, черпали из проруби кто чем.

В сентябре пошла в школу. Она была от дома кварталов 4-5. Во время воздушной тревоги в школу не разрешали ходить, но иногда попадала под бомбежку, пряталась где только можно, но не в коем случае нельзя было прятаться в высоких зданиях. В школе было холодно, сидели в верхней одежде. Только, что кто ходил в школу давали маленькую круглую булочку. Не знаю в каком месяце, но однажды пришли в школу, а там вместо нее глубокая воронка. Даже сейчас мысленно представляю, где была школа и что осталось. Боевые в школу не ходили.

Зима 1941 года была лютая, морозная, холодная. Блокаду не забыть. Она отразилась на здоровье. У меня была страшная дистрофия. Я очень похудела, а

мама опухла. Появилась цинга во рту.

Иногда ветки хвои, кипятили с водой делали настой. Мама купила одну луковицу, за большие деньги, чтобы протирать только мне десны.

Была цинга в ногах, плохо ходила, да и то с папшой палочкой, она была больше меня. Идя по улице говорила: „Тетеньки, дяденьки не толкайте меня, а то я упаду“. А уже если упал, не было сил подняться, умирала на ходу.

Был страшный голод. Мы с папой получали по 125 гр, мама 250 гр. За хлебом ходила я. Толку, заверну в тряпочку и - за пазуху, чтобы никто не отобрал. Блокадный хлеб - в основном макиша, отруби, единственное питание, картошки не отоваривали.

Бапа делил хлеб на троих, на три равные части. Сколько себе, маме и мне, мне ни на грамм меньше. Чтобы сразу в день принять крошечку хлеба, залив травяной водой. Бапа купил пекун, буржуйку, кипятит воду. Топили все, что может гореть, в основном мебелию.

Умышленно заставлял мять руки. Только благодаря папиной дисциплине мы с мамой остались живы. Вечная еда пацать. Эвакуировались из Ленинграда в июле 1942 г. по дороге жизни, через Ладожское озеро на теплоходе. Огень бомбили. Из трех теплоходов остался наш, остальные затонули.

Где приехали не помню, только знаю, что мы пристали, ни страны не было. Переходили по доске. Многие падали в воду.

Как-то перебрались на берег, где было много эвакуированных. Мне стало плохо. Недалеко была егерь, куда пошла моя мама.

№ 35 Улановых 4

Военный дал мне маленькое пенсне
и шепаладку, тем спас меня от смерти.
После теплохода нас на грузовых маши-
нах увозили на станцию, но полня кошку.
Было страшно и холодно, темно.
Машина подойдёт вещи подорожают, а
люди не успевают сесть. Бывало и наоборот.
И опять благодаря маминей смекалке мы
и несколько семей доехали до станции.
Мам посадили в товарные вагоны. Эвакуиро-
ванные стали отоваривать. Это только
не давали: хлеб, сгущенку, шоколад. Опять
папа, стал давать все по виду, по чуть-чуть.
А сколько здесь умерло народу. Месяц мы
добирались до Тезкеуке Калининской обл.
Приютила нас маминя сестра, добрейшая
тетя Нюша. У которой было 5- детей,
но первая стопочка парного молока
была мне. Жили у нее до декабря 1944.
Побежали в Киров к папе, который раньше
нас уехал в Киров в 1943г. Его брат Иван
Михайлович работал на протезном заводе.
Я окончила школу, поступила
на работу. 40 лет работала на одном
месте. Кировоблшвейбыт. Сначала
портняжкой, последние 15 лет в отделе кадров.
Тонна замурзана, сейчас вдова,
Умело доеб, двух внуков.

Улановых Мария Павловна